

An illustration of a person's face and hands. The person is wearing a dark blue sweater. Their hands are resting on a dark red surface, possibly a chair or table. The hands are covered in numerous cuts, scratches, and abrasions, suggesting a violent or traumatic event. The background is a mix of dark blue and purple tones.

«Это поразительная книга: „Денискины рассказы“, осложненные Альмодоваром». Леонид Парфёнов, журналист и телеведущий

ДНА НАММЕР

МЩЕН

Микита Франко

18+

Микита Франко

ДНА НАМНЕЙ
мички

POPCORN BOOKS

Москва

Оглавление

С чего все началось?
Искусство быть хорошим человеком и много других искусств
Правдивый разговор
Супермен
Первые уроки осторожности
Пятьдесят слез
День знаний
Сочинение на тему «Моя семья»
Дракулино-вампиленыш
Как Антон упал на лед
Валентинки, танки и девочки
Мистер Восьмилетний
Настоящая ссора
Прогулка под дождем
Напряжение
«Я тебя люблю»
Агент социализации
Поцелуй в церкви
Как Губка Боб и Планктон вылезли из телевизора
Дружба семьями
Третий лишний
Цветы жизни
Этот дурацкий возраст...

Десять лет
Возмездие
Урод
Ярик
Педсовет
Дурак
In vino veritas
Крепкий чай
Лучшее решение
Как я провел лето
Нож и цитрамон
«Заберите меня отсюда»
Человеку плохо
Мышеловка
Взрослые решения
Испытательный срок
Рояль в кустах
Нянь
Гордость
It's OK
Безвоздушное пространство
Недостойный
Клеймо
Блеф
Кипяток
Дом
Эпилог

Those days are all gone now, but one thing's still true
When I look and I find,
I still love you.

*Из песни Queen «These Are the Days of Our Lives»,
подарившей название этой книге*

С чего все началось?

О себе до четырех лет я помню довольно мало.

Три ярких эпизода, никак не связанных между собой.

Первый: я сижу в прогулочной коляске и болтаю ногами. Коляску катит мама. Мы, кажется, в центральном парке нашего города, тогда там еще стоял памятник Ленину — так что я был действительно довольно маленьким. Впереди нас резво клюет зерно стая голубей. Когда моя коляска подъезжает ближе, они разлетаются, а я радостно поднимаю руки вверх, будто пытаюсь поймать хотя бы одного. Дальше ничего не помню.

Второй эпизод: кто-то из маминых друзей подарил мне на день рождения двухколесный велосипед с прикручивающимися колесиками по бокам заднего колеса. Кажется, это был четвертый день рождения. Чтобы кататься на четырех колесах, много ума не надо, так что это мне быстро наскучило. Я подошел к маминому брату, который был тогда гостем на моем празднике, и попросил его открутить дополнительные колеса. Он, не растерявшись ни на секунду, так и сделал. Радостный, я взгромоздился на велик и, проехав меньше метра, свалился на асфальт, разодрав левый локоть до крови. Пока я, лежа и глядя в чистое ясное небо, размышлял над главным детским вопросом:

зареветь или не зареветь, — мой дядя где-то неподалеку откровенно задыхался от смеха, мол, нужно было предупредить, раз я не умею кататься. Глядя на него, я тоже засмеялся. Дальше ничего не помню.

Третий эпизод: больничный коридор, мама уже болела. Наверное, это был третий или четвертый этаж — точно помню, я устал подниматься по лестнице. Первое, что увидел: капельницы прямо в коридоре; мимо меня кого-то быстро провезли на каталке. Я никак не мог объяснить себе происходящее, но радоваться было нечему, и я стал внутренне тревожен и напряжен. А мамин брат — как будто бы нет. Он наклонился, хлопнул меня по плечу и сказал, что кто последний добежит до маминой палаты, тот старая черепаха. Жизнь сразу стала лучше. Кажется, кто-то прикрикнул на нас за эти гонки, но все сделалось неважным перед целью прибежать первым.

Пожалуй, это все, что я мог бы рассказать самостоятельно о том периоде жизни. Остальное я знаю лишь со слов других людей.

Когда я был маленьким, я не знал, что после родов у моей мамы начал развиваться рак молочной железы. Сейчас его считают «нестрашным» раком, и, возможно, четырнадцать лет назад ей бы тоже смогли помочь, если бы врачи не отмахивались от ее жалоб, называя опухоль в груди «застоем молока». Об этом я могу с умным видом рассуждать сейчас, но в том мире, который

окружал меня в детстве, не существовало рака и больниц. Я ничего об этом не знал и жил беззаботно.

Когда мама лежала в больнице, я жил у дяди. Говорят, я много кочевал, так как ей часто приходилось туда ложиться: пару недель жил с ней, потом снова у него. В какой-то момент, спустя недели, я не вернулся домой к маме. Мне сказали, что она очень слаба и пока не сможет обо мне заботиться. Что я об этом тогда подумал — не знаю. Вряд ли воспринимал происходящее серьезно, ведь когда простывал, тоже чувствовал слабость — и ничего страшного.

Я не помню, как мне сказали, что мама умерла. О моей реакции мне рассказали, только когда я стал старше. О смерти сообщил ее брат. Отвлёк меня от игрушек, сел передо мной и сказал это.

Тогда по каналу «Никелодеон» вышел новый мультфильм — «Аватар: Легенда об Аанге», который сразу же стал моим любимым. Мы смотрели его вместе с дядей. И я спросил:

— Она умерла как Аанг?

— Нет, по-настоящему.

Если вы смотрели этот мультфильм, то знаете, что Аанг не умирал, а замерз во льдах на сто лет. Его лишь считали мертвым.

Тогда я спросил:

— Умерла как его семья?

И он сказал:

— Да.

А я сказал:

— Понятно.

Не знаю, пережил ли я тогда настоящее горе утраты. Я ничего не помню и слушаю об этом теперь как историю о ком-то другом. Говорят, я около месяца играл с одной игрушкой и перестал смотреть мультики, особенно «Аватара», но про маму почти не спрашивал.

Жизнь началась другая. Новая. Которую я уже запомнил сам.

Я повис в воздухе. Так про меня говорили другие. Бабушка говорила: «Вопрос касательно Мики висит в воздухе». Я не знал, как это, но атмосфера была напряженной, и я в самом деле ощущал себя подвешенным. Взрослые спрашивали, с кем я хочу остаться: с бабушкой или с дядей. Я не хотел никого обижать и отвечал, что не знаю. В конце концов бабушка поставила точку в этом вопросе. Она сказала, что у нее уже был один инфаркт и она не уверена, что успеет вырастить целого человека, а обрекать меня на потерю второй раз — жестоко.

Так я начал жить с дядей, которого называл просто Слава, и его другом. Хотя друг появился не сразу. Сначала все улеглось: прекратилась суета, со мной перестали разговаривать незнакомые, но очень серьезные люди, прошло состояние подвешенности, и новая жизнь мягко превратилась в привычную. Тогда друг и появился: высокий, аккуратный, даже причесанный, совсем не подходящий для дружбы

с моим дядей, признававшим только один вид штанов: которые с дырками на коленях.

— Это Лев — мой друг, — сказал мне Слава. А потом ему: — Это Мики — сын моей сестры. Вам придется ужиться вместе. Выбора у вас нет.

Имя Славиного друга показалось мне глупым. Лев... Если тебя так зовут, то ты просто обречен отпустить бороду и стать писателем.

Но выбора не было, и я пожал руку, которую протянул мне Лев, своей маленькой ладошкой пятилетнего человека.

Искусство быть хорошим человеком и много других искусств

Так мы стали жить втроем. Но звучит это лучше, чем обстояло на самом деле. Я общался со Славой, Лев общался со Славой, Слава общался с нами двумя, а я и Лев никак не взаимодействовали друг с другом. Я не был против Льва, но не знал, о чем с ним поговорить.

Слава же, будучи графическим дизайнером и вообще творческой личностью, много всего показывал и рассказывал. Например, учил меня рисовать пропорциональное лицо у человека. Я расчерчивал свой корявый овал по академическим правилам рисования, но мой головоног все равно не становился больше похожим на человека. А Слава воодушевленно нахваливал мои рисунки, хотя понятно было, что руки у меня растут из того же места, откуда и у нарисованного мною существа.

Еще у него были старый патефон и куча пластинок с музыкой шестидесятых-восемидесятых годов. Он включал мне *The Beatles*, *Queen*, *Led Zeppelin*, Дэвида Боуи и свою особую любовь — Монсеррат Кабалье. Мне эта певица совершенно не понравилась, и я сказал:

- Не ставь эту пластинку, она так воет на ней.
- Не богохульствуй, — ответил мне Слава.

Я не понял, чего не должен делать, но почувствовал, что сказал что-то не то.

Слава спросил:

— Какие песни тебе нравятся больше всего?

Я указал на пластинку с *Queen*, и дядя широко улыбнулся:

— Сейчас тебе понравится Монсеррат, друг мой.

Из залежей пластинок он вытащил ту, которую не включал мне раньше. На ней было написано:

«*Barcelona*». Это я потом узнал, когда научился читать по-английски, но тогда, в свои пять лет, я мог только непонимающе на нее смотреть.

Начало песни показалось мне рождественским, но вскоре легкая музыка перешла в торжественную, а после начала затихать. Затем — чистый мужской голос, который я слышал на другой пластинке — *Queen*. За ним — голос той женщины, вдруг переставший казаться мне утомительным. Я задержал дыхание, но это была лишь вершина айсберга, только первые, самые слабые, незнакомые мне ранее ощущения. Взрыв в моей груди случился чуть позже — когда их голоса слились в один. Я не понимал, что со мной происходит. Почему я дрожу от песни?

Я поднял глаза на Славу.

— Что это?

— Искусство.

От Славы я узнал, что у искусства тысяча проявлений. И что можно не только дрожать от музыки.

От картин можно замирать, от фильмов — плакать, от мюзиклов — смеяться. Мы ходили в музеи, театры, на оперу и балет. На нас там всегда косились.

Во-первых, другие посетители (особенно театров) считали, что маленьких детей нужно водить только на постановки вроде «Курочки Рябы» и балет «Дон Кихот» мне не понять. Они опасались, что в самые сокровенные минуты их единения с искусством я начну шуметь и проситься в туалет. Но я высиживал все три балетных акта, даже не пикнув.

Во-вторых, косились из-за Славы. Ошибочно полагать, что в «приличные» места Слава ходил «приличным». Перед выходом они всегда спорили об этом со Львом.

— Может, ты хотя бы наденешь что-нибудь не дырявое? — говорил Лев.

— А какая разница? — спрашивал Слава.

— Это же театр.

— Всё еще не вижу причин переодеваться.

Так они и спорили, пока время не начинало поджимать. Лев закатывал глаза, а Слава упирался как баран. Я скучал в коридоре, одетый, кстати, «как полагается».

Лев каждый день выглядел так, будто собирался в театр. Он носил только белоснежные рубашки: повседневно — с галстуком, а с бабочкой — по торжественным случаям. Театр считался как раз таким. А еще костюм: черный или темно-серый, и «никаких

полосочек, клеточек и узоров». Я считал, что внешний вид Льва очень подходит к его имени. Не хватало только трости, бороды и профессии писателя.

Впрочем, и его истинная профессия как нельзя более серьезна. Лев — врач-реаниматолог.

Тогда я часто слышал, как они переругивались за закрытой дверью (взрослые, не переоценивайте закрытые двери!).

— Ты вообще не стараешься найти с ним общий язык, — говорил Слава раздраженным шепотом.

— Ну извини, я простой человек, до искусства не дорос, — так же раздраженно шептал в ответ Лев.

— При чем здесь искусство? Поговори с ним о том, в чем сам разбираешься.

— О чем? Обсудить с ним сердечно-легочную реанимацию?

— Да что угодно, только прекрати это молчание.

Сердечно-легочную реанимацию Лев со мной не обсудил ни в тот день, ни на следующий. Я и не хотел с ним ничего обсуждать, но Слава переживал — это было видно даже мне.

Я спросил его, когда Лев был на работе и мы обедали только вдвоем:

— Почему ты хочешь, чтобы я дружил с твоим другом?

Слава растерялся. Ответ прозвучал не очень уверенно:

— Мы живем втроем, в одной квартире, было бы неплохо, чтобы мы все общались.

— Это что, навсегда?

Я был очень разочарован. Признаться, я надеялся, что ситуация временная, ведь раньше никакого Льва в квартире не было.

— Да, это навсегда.

— Почему? У него что, нет своего дома?

— Здесь его дом.

— Здесь твой...

— Здесь его дом, — жестко перебил меня Слава.

Я не ожидал от него такого стального тона и почему-то захотел заплакать. Даже глаза намокли, но Славу это не впечатлило. Он продолжил гнуть свое:

— Здесь наш дом. Мой, твой, его. Наш.

Я не знал, что сказать. Боялся, что, если что-то отвечу, этот стальной тон вернется.

Загоняя слезы поглубже, я все-таки проговорил:

— Раньше здесь жил только ты...

— Нет, он и раньше жил со мной.

— Неправда, — с обидой выговорил я. — Когда я тут бывал, его не было. Никогда не было.

Слава перестал есть, отложил вилку. Помолчал какое-то время, потом сказал ровно, спокойнее, чем раньше:

— Я не хотел добавлять тебе стресса, ясно? Ты и так был вырван из привычной жизни, к тому же переживал из-за мамы.

— Я не переживал.

— Переживал, Мики, даже если тебе кажется, что это не так.

На самом деле я не знал, переживал или нет. Мне было тяжело давать определения своим чувствам. И просто из нежелания оставлять за ним последнее слово я повторил:

— Я не переживал...

Слава тяжело вздохнул. До конца обеда мы ели молча.

Нельзя сказать, что Лев мне категорически не нравился. Сейчас я определил бы это как чувство стесненности и неуюта из-за необходимости жить рядом с чужим человеком. Думаю, оно знакомо всем, кому приходилось делить одну жилплощадь с посторонними людьми или дальними родственниками.

К тому же у нас не было совершенно никаких точек соприкосновения. Разве что мы оба любили читать книги. Но я читал «Чиполлино», а он — Булгакова.

Именно Лев придумал то, что я ненавижу больше всего, — режим. Я должен был просыпаться, есть и спать в одно и то же время. Особенно мне не нравилось ложиться в десять вечера, но Слава говорил: «Это еще по-божески». Когда мы жили с ним вдвоем, то смотрели «Симпсонов» и «Южный Парк» до рассвета и никаких режимов не существовало. Но с тех пор, как мы зажили вот так, все поменялось и стало серьезнее.

Больше не было никаких мультиков с матом, бессонных ночей и «Несквика» на ужин.

Я подумывал, что еще не поздно изменить свое решение и переехать к бабушке. Только вряд ли она ест «Несквик» и смотрит «Симпсонов», так что смысла в этом было немного.

Пару раз Лев читал мне книги на ночь и делал это абсолютно бездарно. Засыпал я исключительно от скуки, причем не только я, но и Слава — в соседней комнате. Наутро он говорил Льву:

— Не понимаю, как можно читать «Буратино» так, чтобы он звучал будто учебник по квантовой физике...

Лев раздражался:

— Я тебе сразу сказал, что у меня не получится.

Интуитивно я тогда почувствовал, что «не получится» касалось не только чтения сказок на ночь.

Со Славой все было проще: он рассказывал мне про художников, музыкантов и писателей, учил рисовать, ставил пластинки, и все это мне нравилось.

В один из таких дней, когда мы лежали на полу возле патефона, я даже спросил у него, как у всех этих людей получается делать такие шедевры.

— Они талантливы, — объяснял Слава.

— А у меня есть талант?

— Я думаю, что у всех есть талант.

— А какой у меня?

— Пока не знаю. — Слава щелкнул меня по носу. — Но не переживай: талант всегда себя проявит.

— А у тебя есть талант? — не унимался я.

— Да. Я рисую.

— А у Льва есть талант? — Я самодовольно улыбнулся, уверенный, что подловил Славу. Если Лев бесконечно далек от искусства, какой там может быть талант?

Но Слава сразу ответил, не заметив моей иронии:

— Есть. Он хороший человек.

— Это не талант.

— Почему ты так думаешь?

— Это не искусство.

— Еще какое искусство, — серьезно ответил Слава.

Я не принял тот разговор всерьез. «Быть хорошим человеком — это искусство» — звучит как фраза, выдранная из пафосного фильма и не имеющая ничего общего с этим сухим, строгим и замкнутым человеком.

Мысленно я называл Льва занудой — до тех пор, пока мне не довелось узнать, что он супергерой.

Правдивый разговор

Благодаря тому что Слава работал в основном из дома, я не посещал никаких государственных учреждений для содержания детей дошкольного возраста. Лишь изредка, когда меня совсем некуда было деть, я проводил время в частном детском садике, куда можно было закинуть ребенка на пару часов.

Поэтому преимущественно социализировался я на детских площадках. Надо сказать прямо, происходило это со скрипом, потому что другие ребята меня пугали. Как сейчас помню: увидев больше трех детей в одном месте, я прятался за Славину ногу, а слишком настойчивые предложения присоединиться к игре или хотя бы подойти поближе могли довести меня до слез.

Но общение тет-а-тет давалось мне неплохо, а моим частым собеседником на детской площадке стал Илюша, с которым нас приводили туда почти в одно и то же время.

На тот момент мы общались уже целый месяц и повидали в жизни многое. Точнее, повидал Илюша. За время, проведенное с ним, я стал свидетелем того, как он заехал сам себе по носу качелями, как его укусила собака и как он кинул шифер в костер, не отбежав при этом на безопасное расстояние. Я же всегда оставался

цел, потому что в наших передрягах был тем, кто стоит за спиной и неуверенно говорит: «А может, не надо?»

Илюшу на детскую площадку приводил отец, целью жизни которого было стремление уничтожить у сына инстинкт самосохранения. Он всегда очень радовался «успехам» сына. Когда Илюша подошел к нему с разбитой от качелей переносицей, отец одобрительно похлопал его по плечу и сказал:

— У-у-у-у, мужи-ы-ы-ык!

Илюша радовался и продолжал размышлять над тем, какой бы еще физической боли ему натерпеться, чтобы порадовать папу. Меня же он считал трусом.

— Ты всегда всего боишься, — говорил мне Илья с нотками презрения.

Как раз перед этим разговором он дразнил собаку, которая укусила его за колено, порвав штаны.

— Тебе нужно в больницу, — ответил я.

— Да мне не больно. — Сказав эту фразу, он даже выпрямился от гордости за себя.

— Не в том дело. Она может быть бешеной.

— И что?

— Ты можешь заболеть.

Илюша хмыкнул и еще раз повторил, что я трус. Тогда я сбил шаг, отстал от него. Специально, чтобы подумать: сказать или не сказать?

Решил сказать:

— Слава говорит, что глупость и смелость — это разные вещи.

Илюша не понял этой фразы и еще раз хмыкнул. Это было признаком того, что он не знает, что ответить.

— Почему ты называешь своего отца Славой? — спросил он.

— Он мне не отец. Он мой дядя.

— А где твой отец?

Тут можно было бы подумать, что я наверняка задавался этим вопросом и раньше. На самом деле он меня мало волновал. Когда обстоятельства складываются так лихо, отсутствие отца кажется мелочью на фоне всех остальных событий. И впервые я осознал, что у всех детей отец есть, а у меня нет, именно тогда — в пять лет, во время этого разговора.

— У меня нет отца, — просто ответил я.

— У всех есть отец. — В голосе Ильи чувствовалась готовность спорить.

— Не у всех. У меня же нет.

— Когда нет отца, значит, он бросил.

— В смысле?

— Отказался от тебя.

Эту информацию было слишком тяжело принять. Что я такого сделал, чтобы от меня отказываться? Я даже этого не помню.

Я решил, что, скорее всего, Илюша сам не понимает, о чем говорит. Он ведь не очень умный. Он собак дразнит и качели раскачивает, стоя позади них.

Поэтому я сказал:

— От меня точно никто не отказывался, его просто сразу не было.

Илья прыснул:

— Так не бывает. Если сразу отца нет, то секса не получится.

— Чего не получится?

Тут, на самом интересном месте, нас и прервали. Грозная фигура Илюшиного папы нависла над нами, сообщая, что пора на бокс. Илья вскинул руки и радостно запрыгал.

— Его собака укусила, — сказал я, задрав голову и пытаюсь посмотреть мужчине в лицо. — Надо врачу показать.

Папа Илюши окинул меня насмешливым взглядом и снисходительно покивал.

Сидя на скамейке у детской площадки, вытряхивая песок из сандалий и собираясь домой, я все равно продолжал думать о судьбе Илюши. Рядом сидел Слава, складывая в рюкзак с Микки-Маусом игрушки, и слушал мой вдохновенный рассказ про собаку. Закончив, я спросил:

— Может, ты все-таки скажешь им, что надо к врачу?

Слава улыбнулся и только сказал:

— Хочешь, расскажу про естественный отбор?

Если кто-то забеспокоился об Илюше, то спешу сообщить, что он в порядке, вот только после удара

качелями носовая перегородка у него так и осталась искривленной.

А у меня так и остался осадок после того разговора, и тревожные мысли об отце, который почему-то решил от меня уйти, поселились в моей голове. Смутно я начинал догадываться, что если бы у меня был отец, то после смерти мамы я остался бы с ним. Но его не оказалось рядом, и я, как говорила бабушка, «повис в воздухе».

По ночам мне начали сниться кошмары: в них я шел по длинному коридору, но он никогда не кончался, и чем дальше я шел, тем страшнее мне становилось, хотя ничего больше не происходило. Когда это случилось в первый раз, я так и не смог уснуть и решил попроситься лечь со Славой.

Спросонья и в темноте я не сразу удивился тому, что они со Львом спят в одной кровати. Благодаря какой-то внутренней, видимо, природной тактичности я молча прикрыл дверь и вернулся в свою кровать. Даже страх прошел, уступив место новым размышлениям: разве мужчины спят в одной кровати? Спят, конечно, но только в экстремальных условиях. В фильмах это обычно случается, когда идет война или ремонт в квартире и людям просто негде спать, кроме как рядом. Но у нас не тот случай — у нас есть диван.

Не то чтобы я тогда много понимал об отношениях между людьми, но я считал, что любовь бывает лишь между мужчиной и женщиной, а теплые отношения

между людьми одного пола — это дружба. Разница между любовью и дружбой в том, что мужчина и женщина целуются и у них общая кровать, а друзья только жмут друг другу руки и никогда не находятся слишком близко. То, что Слава и Лев спали вместе в одной кровати, когда в этом не было никакой необходимости, не подходило ни под один шаблон.

С трудом я дождался с этой информацией до утра, а за завтраком все-таки выдал:

— Почему вы спите вместе?

Лев закашлялся и перестал есть. Тяжелым взглядом он посмотрел на Славу, глубоко вздохнул и встал из-за стола.

— Объясняйся сам, как ты там хотел...

Провожая его взглядом, Слава проговорил:

— Ты мастерски уходишь от ответственности.

— На работу опаздываю, — сказал Лев уже из прихожей.

Хотя не опаздывал. Я как раз недавно время выучил — он не опаздывал совсем.

Слава молчал, пока не хлопнула входная дверь. Потом сказал:

— Мы со Львом любим друг друга.

— Это как?

Я почувствовал, что у меня начинают неприятно потеть ладони.

— Так, как это обычно и бывает, — сказал Слава. — Помнишь, мы читали «Золушку»? Она полюбила

принца, а принц — ее. Так влюбляются многие люди.

— Но вы же мальчики...

— Иногда мужчина может полюбить другого мужчину. А женщина — женщину. Это не часто, но случается.

— Так не бывает, — жестко сказал я. — Ты врешь.

Сейчас мне сложно понять, почему я тогда так отреагировал, но я очень хорошо помню чувство обиды. Горячей такой обиды, в груди. От которой даже слезы закипают.

— Я не вру. — Слава оставался спокоен. — В жизни тебе будут встречаться разные люди. И такие — тоже.

— Не будут! Потому что их не бывает!

— Мики...

— Почему тогда такого никогда нету в фильмах и книгах? — запальчиво перебил я. — Никто больше так не говорит! Кроме тебя! Потому что ты сам это только что выдумал!

— Мики, такое бывает в фильмах и книгах, — заговорил Слава громче и вкрадчивее. — Если хочешь увидеть — давай посмотрим фильм.

— Не хочу! — Из глаз у меня очень быстро текли злые слезы. — Не хочу смотреть твои дурацкие выдуманные фильмы! — Я опустил взгляд на тарелку с яичницей перед собой. — Не хочу больше есть!

Потом вскочил со стула и убежал в свою комнату, громко хлопнув дверью. Слава за мной не пошел.

До вечера я больше не выходил из комнаты. Впрочем, нет, выходил — но только дважды: один раз, чтобы пописать, а второй — чтобы взять на кухне банан.

Остальное время я перечитывал книги, где есть любовь, и не понимал, зачем Слава мне врет. На месте Золушки не может быть мальчик, ведь на него бы даже не налезли хрустальные туфельки. Хотя, с другой стороны, он наверняка пришел бы на бал в дурацких футбольных бутсах, а у старших мальчиков во дворе они постоянно слетают с ног, когда они с силой пинают мяч. Вот такую обувь уж точно легко потерять, не то что туфельку...

Я был вынужден признать, что Золушку можно поменять на мальчика без потери основной сюжетной линии. Или принца — на принцессу. Но если все это правда, почему тогда писатели пишут только про мальчиков и девочек? Писатели — умные люди, они точно знают, что правда, а что нет.

Я слышал, как вечером вернулся Лев и они со Славой стали о чем-то нервно переговариваться. Наверное, обо мне.

Когда совсем стемнело, я все-таки вышел из комнаты. Было слышно, как в зале работает телевизор. Слава сидел там один.

Я остановился на пороге комнаты и посмотрел на экран телевизора. Мелькали кадры с мужчиной в крупных очках и строгом костюме; он выглядел очень грустным и смотрел на фотографию какого-то парня.

А потом замелькали черно-белые кадры, будто фильм снимали лет сто назад.

Я медленно прошел в комнату и сел рядом со Славой, продолжая смотреть на экран.

— Почему ему грустно?

Слава, не ожидавший моего вопроса, даже сел прямее.

— Потому что его любимый человек умер.

— Тот парень на фотографии? — Спросив это, я улыбнулся. Чуть-чуть.

Слава тоже чуть-чуть улыбнулся. И сказал:

— Да.

— Он теперь там же, где моя мама?

— Да, наверное.

— Может, они подружатся.

Слава откинулся на спинку дивана и притянул меня к себе. Я лег затылком ему на грудь, и мы молчали до конца фильма.

Супермен

Лев не любил никаких проявлений чувств, и особенно ему не нравилось делать это при «зрителях». И если проявлять чувства на улице не приходило в голову никому из них двоих, то дома Слава то и дело демонстрировал мне степень своей любви ко Льву. А Лев демонстрировал степень нежелательности таких действий, уворачиваясь от поцелуев, как Спайдермен.

Наблюдая за этим, я чувствовал, как в моей голове что-то трещит. Сейчас я думаю, что это был шаблон. Раньше, вживую, я ничего такого не видел. Я только видел, как ужасно неприятно и слюняво целуются в фильмах, и думал, что никогда в жизни не буду ничем таким заниматься.

Слава и Лев долго не могли прийти к единому мнению на этот счет. Закрывали двери и начинали выяснять, кто прав, кто виноват (и еще раз, взрослые: не существует таких межкомнатных дверей, способных изолировать ребенка от ваших суперсекретных разговоров!). Так что я все слышал и, конечно, переживал, чувствуя себя причиной какого-то раскола между ними.

— Ребенок должен видеть, что люди в одной семье любят друг друга и могут это друг другу показать, —